

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ СТЕНЛИ

КОДЕКС
ПРЕХИСТОРАТА.
СУХОВЕЙ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С79

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1105

Художник
В. Федоров

Стенли И.

С79 Кодекс Прехистората. Суховей: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2650-8

Роман создан в стиле фантастического реализма и относится к такому довольно редкому жанру современной фантастики, как апокалипсис. Мы привыкли, что обычно некая катастрофа происходит в самом начале произведения, а затем описываются последствия. Автор же «Кодекса Прехистората» погружает читателя в мир, стоящий на пороге зловещих потрясений, но еще не перешагнувший роковую черту. С первых страниц, несмотря на легкое повествование и красочные описания героев и мира, создается атмосфера надвигающегося бедствия. До последних страниц книги судьба мира колеблется на волоске и не ясно, чем закончится история. Как и почему происходит коллапс цивилизации? Можно ли предотвратить трагедию? Вместе с главным героем читатель пройдет путь от среднестатистического питерского менеджера до ключевого персонажа большой игры, ставки в которой — жизни миллиардов людей. Нас ждут знакомства, путешествия, приключения, факты и допущения на грани сумасшествия, однако вписанные в течение повседневной обыденности и от этого особенно интригующие.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Игорь Стенли, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2650-8

ПРОЛОГ

Яркое солнце. Слишком яркое. До боли в висках. Ноги холодит вода, а под ладонями сырой песок. Я на пляже? Вон кто-то бродит по берегу, вразвалочку, лениво. Что же так раскалывается голова?

Если немного подвинуться, можно спрятать лицо в тень от нависшего справа предмета. Так и сделал. Конечности словно ватные, да и шевелиться не хочется. Хочется лежать так до бесконечности. Правда, одежда снизу намочла и тело начинает неприятно зудеть. Что я делаю на пляже в такой неудобной одежде?

Сел с третьей попытки. Попробовал оглядеться. Взгляд фокусировался с трудом. Вдруг что-то остро кольнуло в основании черепа, как будто тромб оторвался и поплыл по сосудам мозга. Только вместо сгустка крови в голове пронеслись обрывки фраз и образов. Память возвращалась болезненными резкими толчками с каждым ударом сердца, биение которого все учащалось. Я еще раз оглядел пляж, который оказался берегом реки: по песку и ниже по течению от меня тянулась тонкая струйка крови. Но кровь здесь была не только моя.

«Демоны! Это — демоны!» — всплыл в памяти истошный крик нашего чернокожего проводника, судорожно менявшего магазин в своем АК. Вон эти демоны, бродят или стоят, замерев, на отмели и на высоком уступе берега. Поблизости от меня и дальше лежат трупы членов отряда ох-

ранения. Экспертов, прибывших с нами, вообще не видно. Хотя нет, валяются какие-то обрывки ярко-синего цвета, такого же, какой был у их курток. Над кучей, похоже, недавно бывшей человеком, склонились аборигены. Они жадно рвут куски, толкаясь локтями и то и дело огрызаясь друг на друга.

Голова сильно закружилась, а к горлу подступил неприятный комок. Через секунду мой завтрак покинул утробу и отправился на корм рыбам. Я перевернулся на четвереньки, корчась в рвотных позывах.

Тихий прохладный ужас сковал все тело и прошел по позвоночнику, когда сознание уловило... нет, не движение, а его отсутствие. Зараженные насторожились, и я оцепенел, оттого что понял, кто именно привлек их внимание.

Из положения с упором на четыре конечности вскочить оказалось не так трудно. Но тело не слушалось, а голову простреливала острая боль во время резких движений. Я побежал как мог быстро, подхватив на ходу первую попавшуюся винтовку. Мой бросок не остался незамеченным, и по округе пронесся жуткий нечеловеческий вой десятков глоток. Инстинктивно я искал место повыше, и грунтовый отвесный берег преподнес мне неприятный сюрприз: карабкаться по нему оказалось невыносимо сложно. Преследователи уже рычали где-то за спиной, а я все взбирался вверх, то и дело съезжая обратно по рыхлому склону.

Благодаря выбросу адреналина, прикладу винтовки и безудержному мату мне наконец удалось подняться на уступ. Внизу скрипели зубами и лезли по головам друг друга человекоподобные существа. Шансов достать меня у них не было, но дальше по берегу я увидел разрозненную группу таких же тварей, которая уверенно приближалась. Буквально в сотне метров от реки находилось какое-то поселение, и я тяжело затопал ботинками по высушенной пыль-

ной земле в отчаянной попытке добраться до построек, чьи стены и крыши могли дать спасение.

Сейчас меня порвут на части и сожрут обезумевшие местные жители. А если нет, так подхватчу ту же заразу, что превратила их в монстров. За каким хреном меня занесло в это гребаное западноафриканское приключение?! Ах да, я сам вызвался, добровольцем! А ведь все так хорошо началось...

Глава 1

ВЗГЛЯД НА ЗАЛИВ

Утро понедельника — это момент, когда чары развеиваются: нужно опять встать в строй и вращаться в сложном механизме цивилизации двадцать первого века. Кем бы ты ни был, как бы отвязно ни провел предыдущие два дня и три ночи, сегодня ты нужен Системе, так что встань и иди. Система зовет, и ни один полноценный член социума не в силах ей перечить. Звучит зловеще, но именно Зов зачастую толкает на странные до безумия поступки — впрочем, как и неподчинение может обернуться неожиданными последствиями.

Сегодняшнее же утро понедельника — это мое частное и неприкосновенное утро. Захочу — перевернусь на другой бок, и поминай как звали. Или встану неспешно, выйду на кухню, где в косых утренних лучах летают пылинки, заварю чай, сделаю вкуснейший бутерброд на поджаренном хлебе и позавтракаю на лоджии, откуда открывается вид на Финский залив, то синий и безмятежный, то покрытый кое-где мелкими барашками. И стану разглядывать снующие вдалеке суда, и пить чай, и размышлять хоть до бесконечности.

Могу себе позволить — ведь сегодня я де-факто стал безработным.

Конечно, необходимо забрать документы, сдать пропуск, но все это не более чем формальность. Почти пять лет, включая стажировку, я отработал на инвестиционного

монстра «Западный горизонт» — компанию, ворочающую активами и фондами по всему миру. На выходе я получил бонусы и превосходные отзывы. Соответствующая запись в резюме и контакты рекомендателя — это пропуск практически в любую фирму. Но, попав в «Горизонт» прямо со студенческой скамьи, будучи возвращенным там как специалист, сейчас я чувствовал себя слепым котенком.

«Ты слишком рано сходишь с поезда: из него нужно выпрыгивать с «золотым парашютом», — вспомнилась шутка моего шефа Дубского, патологического оптимиста лет за сорок, с которым у нас сложились приятельские отношения. Тот был абсолютно прав, но я устал или просто потерял запал, взяв высоту, о которой не мечтал.

Апофеозом карьеры стало получение грандиозного по моим меркам бонуса за удачное вложение в акции развивающегося регионального ритейлера, которое по итогам года принесло баснословную прибыль. А началось все с одного-единственного параграфа в аналитическом отчете отдела — параграфа моего авторства. Когда в очередной раз сверхурочил, собирая данные в кучу, я, конечно, ни о чем таком и не думал: просто изложил собственное видение и отправил на почту шефа. А года через полтора департамент премировали — поголовно. Нам с начальником достались куски покрупнее плюс лавровые венцы. Однако уже через месяц восторг схлынул, а через два стало попросту скучно. И даже маячившее на горизонте повышение перестало вдохновлять. Мог ли я, среднестатистический выпускник с дипломом защитника информации, метить на место аналитика и риск-менеджера в крупном инвестиционном холдинге с участием иностранного капитала? Нет, но верно говорят: «Что имеем — не храним...» Только плакать я не собирался — и ничтоже сумняшеся написал заявление с просьбой об увольнении. Рассмотрев заявление, шеф покрутил пальцем у виска, выдал ту самую шутку

про «парашют» и отправил меня в отпуск с перспективой на отрезвление ума.

Последовавшие за тем недели были полны, как поется в песне, «нездешних грез и едкого тумана». Сначала я просто отсыпался и морально разлагался перед телевизором, за компьютерными играми и в социальных сетях. Питался исключительно полуфабрикатами и тем, что привозили угрюмые доставщики пиццы. Спал днем, а ночью пассивно бдел.

Дальше наступила фаза просветления: я вставал рано и выбирался на пробежки по песчаным тропинкам вдоль залива. Стал питаться по-человечески. Покупал продукты и готовил дома, а в ресторанах выпендривался и заказывал только натуральные и низкокалорийные блюда. Стоит признаться, что за время сидячей работы и безнравственного начала отпуска я несколько заплыл жирком, и при моем худощавом телосложении выглядело это не очень красиво. В общем, я привел себя в порядок и вышел в свет, восстановив остывшие контакты, коих за десять лет жизни в Северной столице у меня набралось не так много. Да и от этих встреч я не получил особого удовлетворения: мало что связывало меня теперь со старыми знакомыми. С последней же дамой сердца, так получилось, я расстался незадолго до увольнения.

Сегодня отпуск закончился, а с ним и повинность в виде обязательной предувольнительной отработки. Имей я крылья, они бы точно уже зудели в предвкушении полета. Никогда еще я не был настолько свободен и независим. Нужно лишь передать дела новому счастливчику, занявшему мое место.

От всех этих мыслей я окончательно проснулся и поймал себя на бесцельном созерцании матовой глади потолка. Судя по освещенности, сейчас не больше восьми утра, а день обещает быть солнечным.

Приподнялся, посмотрел на часы. Так и есть — без четверти восемь. Сел на кровати и окинул взглядом гостиную. Вчера за ужином я начал смотреть фильм, потом прилег, потом укрылся пледом, да так и заснул. Теперь мой просветленный взор угнетала грязная посуда и общий легкий беспорядок. Да, и вот еще что призрачно маячило на фоне этого безмятежного утра: вчера по окончании кинокартины я засыпал под CNN, где при участии пары сенаторов обсуждалась некая «красная угроза» — речь шла о тоталитарных режимах на территории бывшего СССР и о растущем Китае. А чуть раньше отечественные новостные каналы стращали меня агрессией НАТО, расползающейся по Европе военными базами и противоракетными комплексами.

Во времена Карибского кризиса я еще не родился, однако впоследствии интересовался тем периодом биполярности мира, и происходящее сейчас пахнет чем-то вроде холодной войны — правда, на фоне вполне дружелюбных заявлений глав государств. Эта возня длится уже не первый год, и каждый раз, просматривая новости, я чувствую, будто в меня забивают гвозди. Но я должен пропускать все это через себя — работа такая. Была.

В отпуске я, разумеется, отключился от назойливой информации, очищая мозги от шлака мультфильмами Миядзаки и киношедеврами Тарковского. Но вот реальность вновь постучалась через голубой экран, и мысли закружились в голове пчелиным роем, вызывая легкие волны тревоги. Как если бы я вычитал что-то плохое между строк новостных лент, но еще не осознал этого, не сформулировал.

Подобная тревожность, к слову, выгодна любому режиму, так как позволяет отвлечь граждан от внутренних проблем и перенаправить энергию в нужное русло. Кто-то ухмыляется, разглядывая нас сверху, как школьники разглядывают через микроскоп возню инфузорий. Поэтому и

я никогда не стремился переполнять свой аналитический стек, просто держал в памяти общую картину событий. Но вот что странно: если до отпуска данная картина напоминала в основном цирк, то после стала больше походить на психиатрическую лечебницу.

А еще запомнился тот ролик, в котором безумная толпа шла на приступ Денверского аэропорта — того, что находится близ американского города Денвер. Все началось в долине, за пару километров от территории исполинской воздушной гавани. Местный фермер, очевидно воодушевившись славой коллеги, приютившего некогда «Вудсток», также пустил на свое поле кучку хиппи. Якобы для проведения небольшого рок-фестиваля. Стоит заметить, что денверскому фермеру все же удалось прославиться. Хозяин забеспокоился, когда однажды утром его работники не смогли вывести технику в поля из-за перекрывших дороги частных автомобилей и толп людей. К тому моменту на «фестиваль» собралось около ста тысяч человек. Власти тоже зашевелились, и в новостях наконец заговорили о секте Свидетелей Апокалипсиса. Когда к аэропорту прибыли все, кто могли — армия, нацгвардия, полиция, — в его сторону уже двигалось бескрайнее море людей. Патриарх сектантов поднял на штурм как адептов, так и простых граждан, руководствуясь двумя тезисами. Во-первых, по словам лидера, в ближайшие три месяца ожидается Конец света, а во-вторых, под Денверским аэропортом находится огромное современное убежище, построенное на деньги налогоплательщиков и обязанное стать их достоянием. Люди шли на приступ самоотверженно, неотвратимо, словно орда зомби. Подавляющее большинство защитников правопорядка в жизни не видели подобных скоплений народа: никто не мог противостоять, никто не смел сделать ни единого выстрела. Неравное, тихое противостояние длилось около девяти часов, и вот когда первые штурмующие ступили на территорию аэропорта, в вечернем небе

появился вертолет. Его заметили потому, что резко исчезли многочисленные вертушки новостных каналов. Затем разразился ад. Люди в одночасье обезумели и понеслись куда глаза глядят, давя и перемалывая друг друга.

Ну вот, я прямо чувствую, как мозги зашевелились, причем не в лучшем смысле. Теперь уже точно не расслабишься, нужно выходить из диссонанса. Я покинул уютный диван и направился на кухню, вытряхивая из головы остатки сна и тревожные мысли. На пороге моего холостяцкого камбуза я получил первую порцию антистресса, потому что через приоткрытые створки широких деревянных жалюзи на меня смотрел залив, радуя своей безмятежной гладью. Кстати, кухню свою я называю по-корабельному прежде всего именно из-за этого вида и только во вторую очередь потому, что отделана она на манер судового помещения.

Поставил на плиту чайник со свистком — другие у меня не выживали — и принял душ. Завтракая, взглянул на часы — пятнадцать минут девятого. «Горизонт» начинает работать с девяти, и хорошим тоном было бы прийти к началу рабочего дня, заодно посветив своей посвежевшей физиономией. Но к девяти я уже никак не успею.

Хотя свеча офисного здания, расположившегося поблизости от Парка 300-летия, видна из моей многоэтажки на Васильевском острове, добираться до нее нужно через центр, то есть как минимум час. Дорога на работу занимала бы минут пятнадцать, если бы строители открыли наконец развязку на центральном участке скоростного диаметра. Но, к счастью, теперь это не моя головная боль. Сегодня устройю неспешный променад с пересадками в метро и глубокомысленными прогулками. Погода располагает. А четырехколесный друг пусть немного поскучает у подъезда.

Закончив завтрак, я наскоро выбрал одежду и собрался. На пороге активировал охранную систему и вышел в прохладу питерского утра.

Глава 2

ОФИЦИАЛЬНО БЕЗРАБОТНЫЙ

Чередуя бодрый шаг с ездой на автобусе и метро, я добрался до места чуть больше чем за час. Мой «кардиотренер» в смартфоне насчитал около двух километров пешего маршрута и выставил оценку восемь из десяти возможных. Занес было палец над кнопкой «Поделиться с друзьями», но вспомнил гениальную фразу «Господи, да всем плевать!» и передумал. Люди сейчас больше озабочены колебаниями на криптовалютных рынках.

Прошел в здание по все еще активному пропуску, избежав тем самым общения с суровой охраной. Лифт мгновенно домчал меня на девятнадцатый этаж, и на выходе в холл я чуть не столкнулся со странным субъектом. Это был низкорослый, полноватый, бледный и лысеющий человек. Я видел его раньше в офисе, в память невольно врезались вечно влажные большие глаза, прозрачная кожа: весь он был какой-то студенистый. Казалось, тронь его чем-нибудь острым — оболочка разорвется и выпустит наружу аморфную массу. Глаза человека без возраста выражали злую безысходность, пронизывающую посильнее, чем страх случайно проткнуть его. Именно поэтому я обошел неизвестного бывшего коллегу по гораздо большей дуге, чем было необходимо. Он исчез в лифте, а я направился в свой отдел, миновав большой холл и симпатичную офис-менеджера Марину, с которой обменялся приветственными улыбками. Когда я уже почти скрылся в коридоре, девушка окликнула меня по имени, я обернулся.

— Ты вышел из отпуска? — спросила она скорее неофициально, нежели в служебных целях.

— Я увольняюсь, пришел за документами, — попытался я выразить некоторое сожаление.

— Жаль, — сказала она и на секунду опустила взгляд в такт каким-то своим мыслям. — Кайлович вот тоже уволился, и мне кажется, не по собственной инициативе.

Собеседница делилась еще какими-то новостями, но тут я вспомнил студенистого человека — это и был Кайлович, один из ведущих юристов холдинга. Я редко видел его, потому что обитал он где-то на верхних этажах. Вот так. Видимо, что-то не заладилось в компании по части юриспруденции.

— Много человек уволилось за последний месяц, — закончила Марина свой отчет.

Я откланялся, поблагодарил ее за интересные новости и продолжил путь. Я бы мог развить нашу беседу вплоть до приглашения на ужин, но пришел не за этим. Проходя мимо стеклянных стен родного аналитического отдела, как и ожидал, я застал стандартную понедельничную планерку. Мой бывший шеф Дубской с серьезным видом увещевал подчиненных. Увидев меня, он кивнул, поднял ладонь с разведенными пальцами и изобразил кружку у рта, что означало: «Подожди пять минут, попей кофе в курилке».

Курилкой у нас называлось общественное помещение в конце коридора, где никто не курил, но где сотрудники отдыхали, обедали и пили горячие напитки в перерывах. Главной особенностью помещения было панорамное остекление с видом на парк и водную гладь. Наличие, назначение и положение этой комнаты говорили о любви компании к сотрудникам. А курильщики использовали для своих нужд просторные балконы на противоположной стороне этажа, но уже с видом на спальный район.

Зайдя в пустую в это время комнату отдыха, я словно магнитом притянулся к окну, из которого были видны парившие в воздухе беззаботные чайки и зелень парка, где ветер раскачивал липы и березки. Ну и, конечно, высокие белые облака над посветлевшим заливом. Да, я уже скучаю по этому месту.

Почему я ухожу на самом деле? Потеря мотивации, кризис достижения цели — ага. Кому я вру?! Мне просто однажды стало страшно, реально страшно. В юности, насколько помню, у меня случались вспышки гнева. Я был абсолютно спокойным ребенком, однако стоило кому-то сильно достать меня, действительно достать, добиваясь этого усердно и планомерно, — как я взрывался. Пару раз даже покалечил кого-то слегка. Слава богу, бывало это редко, а в советских образовательных учреждениях не водилось всякого рода психологов. Оттого-то я и не угодил ни на какой учет. Затем все прошло. Но прошло ли? Может, просто моя жизнь превратилась в рутинное болото, где нет места сильным эмоциям и хоть каким-то приключениям, а все трудности сводятся к периодическому осознанию невозможности купить что-то дорогое. Вот что меня испугало, вот от чего я бегу.

Я купил в автомате бутылку воды, сделал пару глотков и продолжил рассматривать окрестности, когда мое внимание привлекли три объекта в небе, пересекавшие с юга на север пространство над Невской губой. Когда те приблизились, я различил военные вертолеты — преимущественно темно-зеленого цвета, с голубым брюхом и красной звездой на борту. Вертолеты над городом не редкость, но вид трех армейских машин, уверенно шедших клином невысоко над водой, невольно внушил трепет. Следом за ними вдалеке двигались еще пять грозных силуэтов, но, в отличие от первых, явно более новые и однозначно боевые. Призрачное чувство тревоги, которое я отогнал утром, опять вернулось.

Проводив взглядом процессию, я обнаружил, что прошло уже минут десять и Дубской, скорее всего, освободился. Оглядев напоследок так полюбившееся мне помещение, я отправился на аудиенцию к шефу. Тот действительно закончил совещание и сидел в своем отдельном «аквариуме». Увидев меня, сразу пригласил войти. По пути к

стеклянному кабинету начальника я поздоровался с бывшими коллегами, ряды которых за месяц... поредели?! Половина рабочих столов не просто временно пустовала — столы были свободными. И это там, где совсем недавно кипела работа, словно в улье.

Когда я зашел в кабинет и поздоровался, мое недоумение, видимо, по-прежнему читалось на лице, потому что Дубской сразу спросил:

— Ну что, заметил убыль личного состава? Так и живем. Руководство избавляется от балласта в условиях новых экономических и политических реалий, как мне пояснили.

— Месяц назад дела обстояли более оптимистично, — констатировал я.

— Друг мой, ты что, не следил за новостями все это время? — Шеф пододвинулся ко мне. — Мир лихорадит, как в начале прошлого века, какой уж тут оптимизм.

— Да, я выпал, конечно, из информационного поля, но не думал, что настолько. С другой стороны, в новостях ничего сверхъестественного не афишируется — обычная политическая возня.

— Возня возней, но наши западные друзья, — махнул он рукой куда-то в сторону Атлантики, — резко закрутили краны. Кстати сказать, награда за твою голову еще сильнее возросла. Если вернешься сейчас, то сразу на место моего заместителя.

— Артемий Петрович, вы без ножа режете, — покачал я головой, — я никак, ну просто никак не могу сейчас вернуться.

— Ну и скатертью дорога, — заявил Дубской в своей вечно саркастической манере, выуживая из сейфа папку с документами. — Распишись здесь и здесь и отметься у офис-менеджера. Сдай пропуск. И не забывай про свой автограф на документе о неразглашении.

— Шеф, вы же мой профессиональный крестный отец, подставлять вас не собираюсь, — уверил я, расписываясь в

документах. — Да и «Горизонт» мне ничего плохого не сделал.

— Знаю, знаю... И именно поэтому прошу об одолжениях. — Он посерьезнел. — Во-первых, когда перебесишься и будешь тщетно пытаться устроиться куда-либо снова, приходи ко мне, может быть, здесь найдется для тебя местечко. Во-вторых, если откроешь свою компанию и станешь финансовым воротилой, обязательно позови меня к себе. И в-третьих, если мертвые восстанут и пойдут по улицам, обещай вытащить меня из города, так как из всех моих знакомых только у тебя есть дробовик.

Когда Дубской заканчивал тираду, лица наши уже растягивались в улыбках. Вот это человек, вот это жизнерадостность. Никогда не устану восхищаться его здоровым легкомыслием, которое, кстати, не помешало ему стать главным аналитиком в компании. Пожалуй, по нему, как и по курилке, я тоже буду скучать.

— А если серьезно, то просьбы есть: сейчас у нас неразбериха, но когда мы перераспределим обязанности, возможно, от тебя потребуется ввести кого-то в курс дел. Подъедешь на пару часов, надеюсь, не откажешь? И еще одно, подожди минуту... — Он снял трубку телефона и набрал внутренний короткий номер. Когда на том конце провода ответили, Дубской произнес абсолютно ровным голосом, как будто и не веселился только что: — Юрий Игнатьевич, доброе утро, у меня Сергей Романов... Да, тот самый... Хорошо.

Я не сразу понял, что происходит, но о личности собеседника шефа догадался — это наверняка Юрий Асташев, председатель совета директоров холдинга, главный человек в компании. Пока я гадал, что ему могло понадобиться, Дубской уже положил трубку и ехидно уставился на меня.

— Я вижу, ты понял, куда тебе идти. Ничего не спрашивай, я сам ничего не понимаю. Он еще недели две назад просил отправить тебя к нему.

— Но он же в курсе, что я увольняюсь?

— Разумеется, в курсе. Просто не представляю, что ему нужно... — Шеф явно просчитывал что-то в уме. — Но ты сходи. Я бы хотел, конечно, узнать, о чем вы поговорите, но боюсь, это уже будет попадать под разглашение. А теперь иди.

После недолгих, но душевных прощаний с бывшим начальником и остатками коллектива я побрел по коридору к резиденции главного. Крайне эффектная и «нордическая» секретарша разрешила мне пройти, и я оказался в просторном кабинете. Панорамное остекление с видом на парк и залив, как в курилке, только гораздо большей площади, дизайнерский интерьер: из стереотипных атрибутов кабинетов топ-менеджеров здесь было, пожалуй, все, кроме мини-гольфа. За массивным, словно вросшим в ковровое покрытие столом сидел лохотный мужчина лет пятидесяти и подписывал документы, перекладывая из одной папки в другую. Когда я вошел, он жестом пригласил присесть за его брифинг-стол. Подписав несколько бумаг, Асташев наконец закрыл авторучку и небрежно отбросил папку. Взглянув на меня поверх линз своих ультрашикарных TAG Heuer, о бренде которых говорил характерный логотип на футляре очков, он заговорил.

— Так ты и есть Сергей Романов, аналитик? — уточнив, протянул руку. — Здравствуй.

— Здравствуйте, — ответил я на крепкое рукопожатие. — Никогда не думал здесь оказаться.

— Нет ничего необычного в том, что руководитель проявляет интерес к подчиненным, — пояснил Асташев. — Ты лучше расскажи, почему покидаешь компанию. Что тебя не устроило?

— Все устраивало, претензий нет. О таком месте я мог бы только мечтать. Но я потерял мотивационные факторы для эффективной работы. Не хочу быть балластом для компании, я так не могу.

— Не скажу, что разделяю твои принципы. Но я уважаю право каждого на самоопределение, тем более что ты внес хороший вклад в общее дело. — Главный достал что-то из ящика стола. — Однако пригласил я тебя еще вот зачем.

Я вопросительно глядел на то, как он перебирал извлеченные визитные карточки, и вдруг остро почувствовал ненормальность своего нахождения здесь. Этот шикарный кабинет был чужд мне, как и я ему. Приглашение на аудиенцию к председателю совета директоров равносильно попытке акулы завести светскую беседу со своим лоцманом или прилипалой: не то чтобы им не о чем было поговорить — просто незачем. Кстати, со зрением у главного, как и у акулы, было не очень: визитные карточки он разглядывал на расстоянии вытянутой руки, щурясь. При том что пять минут назад подписывал документы, глядя на них без заметного напряжения. Данное наблюдение навело меня на мысль о том, что он не особо вдается в подробности документов. И потом, к чему этот анахронизм в виде очков? Человек и с гораздо меньшим достатком может позволить себе современные методы коррекции зрения.

— Есть у меня один знакомый, — между тем продолжил Асташев, отыскав нужную карточку, — некто Лавров Лев Борисович, академик РАН, профессор... Говорит тебе что-нибудь это имя?

Я судорожно пробежался по алфавитному указателю и по индексам в своей памяти: однозначно имя знакомо. Но при каких обстоятельствах оно запечатлелось в моем мозгу? Нужно время, чтобы вспомнить.

— Да, имя знакомо, — подтвердил я, — но сейчас не вспомню, откуда.

— Хорошо. Вспомнишь. А у меня будет к тебе одна, так сказать, последняя просьба. — Асташев наклонился ко мне и многозначительно придвинул визитную карточку. — Встреться с академиком Львом Борисовичем. Это довольно примечательный и влиятельный человек, который прояв-

ляет интерес к молодым специалистам из различных областей. Встреча с ним может быть очень полезна.

— Но я не планирую в ближайшее время выходить куда-либо на работу, — попробовал я возразить, совсем запутавшись в происходящем. — Если бы я собирался и дальше работать в аналитике, то уж поверьте, не стал бы покидать вашу компанию.

— Я уже говорил, что не имею претензий к твоему выбору, — остановил меня Асташев и продолжил каким-то неприятно заискивающим тоном: — И раз ты тоже не имеешь претензий к нам, то настоятельно рекомендую встретиться. Поверь моему опыту, это нужно прежде всего тебе. Мне небезразлична судьба молодых дарований, пусть они и покидают родное гнездо.

Закончив речь, он как-то неестественно рассмеялся: «О-хо-хо-хо». Видимо, в поддержку высказывания про гнездо. А я смог выдавить лишь жалкую улыбку и сразу понял, что продолжать дебаты с этим человеком просто неприятно. Под внешним лоском, казалось, скрывалась истлевшая мумия древнего старика. Легче дать согласие на встречу и отвязаться.

— Хорошо. — Я забрал визитную карточку, приняв тот факт, что просьбу Асташева придется удовлетворить. — Позвоню и договорюсь о встрече на этой неделе. Благодарю вас за рекомендацию.

— Вот и отлично, только не откладывай, свяжись с академиком Лавровым сегодня. Человек, сам понимаешь, занятой. — Главный вновь откинулся в кресле и принял снисходительную позу. — А я прямо после твоего ухода позвоню и предупрежу его.

— Благодарю за все. Мне было приятно и интересно работать в вашей компании, — сказал я, вставая и уверенно продвигаясь к выходу, после того как стало понятно, что разговор исчерпан.

— Всего доброго, — ответил Асташев, направив взгляд обратно на свой стол цвета венге, и когда я уже положил ладонь на дверную ручку, вдруг бросил мне вслед: — Да, и вот еще что. Обязательно зайди к нам через некоторое время, поделишься своими успехами. Я знаю, вы в хороших отношениях с Артемием Петровичем. Уверен, он будет рад визиту... мы будем рады.

Я улыбнулся, кивнул, пробормотал что-то вроде: «Хорошо, спасибо, до свидания» — и вышел из кабинета.

Когда я закончил все формальности, сдал пропуск и покинул офисное здание, на улице было уже довольно жарко под солнцем, но ветерок веял прохладой. Поэтому я решил не снимать пиджака, а держаться в тени раскидистых лип, росших по обе стороны тротуара.

Глава 3 ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ХАРАКТЕРА

Вырвавшись на свободу, побрел по улице вдоль парка, обдумывая дальнейшие действия. В голове крутилось все: от покупки мотоцикла до кругосветного путешествия. Не хотелось только думать о том, что скоро, как ни крути, придется вновь трудоустроиваться. При моем аскетичном с точки зрения среднего класса образе жизни имеющихся денег должно хватить на какое-то время. Но затем — не только по финансовым соображениям — мне понадобится новая сфера деятельности. Нельзя сидеть без дела, да и Система зовет — за жизнь в городе нужно платить вне зависимости от уровня твоего бытия.

Так я добрел до крупного торгово-развлекательного центра, со стороны которого пахло ароматом свежей выпечки. Неужели аромамаркетинг — или правда пекут сдобу в одном из кафе? Так или иначе, мне вдруг жутко захотелось кофе промышленного изготовления с чем-нибудь пе-

ченым. Верно, что мозговая деятельность требует углеводной подпитки.

Смирившись с тем, что, возможно, стал жертвой воздействия маркетинговых технологий, я через десять минут уже сидел за столиком «Старбакса» и употреблял вполне приличные, на взгляд обывателя, латте с чизкейком, врученные мне приятной рыжеволосой бариста. Девушка за стойкой всем своим видом внушала уверенность в сваренном ею кофе, а внешность ее словно была перенесена со средневекового портрета дамы из высшего сословия. Хотя в те смутные времена рыжеволосых дев не повсеместно жаловали — в частности, испанская инквизиция не гнушалась их публичным сожжением, признавая ведьмами. Хорошо, что в наше время можно свободно любоваться этими прекрасными созданиями. Белая бархатная кожа, круглое лицо, окаймленное яркими локонами, собранными в неплотную косу, легкие контуры тела... Поглощенный образами, я не сразу заметил, что девушка смотрит в ответ, не понимая природы такого пристального внимания с моей стороны. Я приподнял чашку кофе, как будто в честь нее, и улыбнулся. Она ответила мне не дежурной, но все-таки более официальной улыбкой, и на этом наш визуальный диалог был исчерпан.

Передо мной лежал телефон, а в пальцах крутилась визитная карточка некоего академика Лаврова. Сейчас мне не хотелось никакого делового общения, и при других обстоятельствах я бы точно отложил звонок на неопределенное время, но интрига имела место, и уже страсть к разрешению неясностей подталкивала к набору номера.

— Добрый день, это Сергей Романов, я звоню вам по рекомендации Юрия Асташева из «Западного горизонта», — отрапортовал я, когда Лавров снял трубку.

— Здравствуйте, Сергей, — ответил собеседник немного скрипучим голосом. — Да, я ждал вашего звонка. Предла-

гаю не тянуть кота за хвост, а лучше встретиться и обсудить одно потенциально интересное для вас предложение.

— Лев Борисович, я готов встретиться, но сразу хочу предупредить: я только что уволился и в ближайшие месяцы не планирую выходить на новое место. Есть другие планы, — выложил я свои условия профессору.

К слову, конкретные-то планы у меня как раз и отсутствовали. Но я был уверен, что они появятся, и мне требовалось время, чтобы перевести дыхание. Однако академика Лаврова предупреждение ничуть не смутило, и он попросил как можно скорее прибыть к нему в офис на набережной реки Мойки.

Тон и манера общения собеседника мне понравились. Сомнения отчасти улетучились. Я неспешно завершил второй завтрак, исподтишка разглядывая девушку за стойкой, и, собравшись с мыслями, отправился на встречу.

Проехав пару километров на автобусе, я спустился в метро — в подземную реку разномастной питерской толпы. Деловой день разгорался, к массе горожан примешивались многочисленные в это время года приезжие, которых выдавали восхищенные взоры по сторонам и неумение маневрировать в людском потоке Северной столицы.

В этом году чувствовался существенный приток гостей — даже учитывая пик сезона, людей все равно было больше, чем обычно. Очевидно, отечественные туристы все меньше испытывали судьбу на беспокойных зарубежных курортах, предпочитая устранять белые пятна на территории необъятной родины. В любом случае веселые и впечатленные приезжие всегда вносили оживление в бледнолицый поток горожан, чей отпуск еще не наступил или не предвиделся вовсе.

Я же неизменно любил Питер таким, как есть, без прикрас: и сырой, но разноцветной осенью, когда низкое солнце золотит и без того огненно-рыжие парки и аллеи; и серой весной, когда даже самая затяжная хлябь не может

отвлечь от все чаще проступающего лазурного неба. Мне часто не нужны были дополнительные впечатления помимо тех, что дает сам город, и некоторые отпуска я провел, не уезжая далеко от дома, а большинство других — либо в загородном доме родителей, либо колеся по стране. Кстати, сейчас моя тяга к путешествиям вновь напомнила о себе: «крылья зачесались». Покачиваясь в такт движению вагона метро, я представлял, как проведу недельку с отцом и матерью в коттедже в сосновом бору, а потом рвану, вполне возможно, куда-нибудь за Урал.

Пара-тройка дней в их уютном загородном доме всегда ставила меня на ноги, особенно в разгар карьеры, когда мозги на работе кипели изо дня в день. Несмотря на то что отец вот уже семь лет частично парализован и мать ухаживает за ним, живут они самодостаточно, размеренно и вполне счастливо. Травму, повлекшую паралич, отец получил на производстве. Они с мамой сразу после института, в пору сельскохозяйственных инноваций пришли работать на табачную фабрику в родном Саратове, там и познакомились. Когда после развала Союза завод стал чахнуть, отец был уже замначальника производства, а мать — технологом. Обоих сократили. Все сбережения обесценились в начале пресловутых девяностых, и мы из процветающей советской семьи превратились в нищих. Родители хватались за любую работу. Помню, как отец приносил в больших сумках рулоны неразрезанных сигарет с завода и кустарно напечатанные упаковки. Рулоны нужно было нарезать на сигареты нормального размера, пачки склеить, набить дешевым куревом и отдать коммерсанту на реализацию за копейки. Хотя нет, тогда — за тысячи.

Спустя время табачную фабрику выкупила западная компания: новые хозяева начали с модернизации производства. Родителей пригласили на работу. Жизнь стала налаживаться, зарплаты постоянно росли, но и работа сделалась более напряженной и ненормированной.

Однажды, когда на заводе шел очередной ремонт из бесконечной череды, отец проводил осмотр цеха. Проходя по мосткам над табачными станками, он сорвался вниз с плохо закрепленной лестницы. В компании, на удивление, признали вину в полной мере и начали выплачивать компенсации. Но только через три месяца папа более-менее пошел на поправку: стал четко узнавать нас с мамой и шевелить рукой, начала восстанавливаться речь.

После выписки из больницы появились новые проблемы. Наша многоэтажка оказалась совсем непригодной для проживания инвалида: коляска не помещалась в лифт, а из подъезда не было никакого съезда. Хотя отец и поправлялся, жизнь в заточении отнюдь не способствовала выздоровлению. Ситуация резко изменилась после приезда старого папиного друга. Увидев наше положение, он предложил перебраться жить на природу, в свой коттеджный поселок на Ленинградке. Решение было на первый взгляд сложным, но и единственно верным, и мы согласились. Сбережений и компенсаций хватило на то, чтобы купить участок и за два года выстроить небольшой, но добротный и продуманный дом. К тому времени я уже учился в Петербурге, на втором курсе госуниверситета аэрокосмического приборостроения на кафедре защиты информации. Первый курс я скитался по съемным комнатам, но на втором пробился в общежитие. А во время третьего года обучения родители продали нашу большую квартиру в Саратове и купили скромную, но уютную квартирку в новостройке на Васильевском острове, где я и обитаю по сей день.

Вагон дернулся, притормаживая, и люди засуетились. Плотность туристов значительно возросла, слышалась разнообразная иностранная речь. Еще бы: центр, Исаакий. Мне тоже подниматься на поверхность здесь, на «Адмиралтейской», воздушный потолок и витражи которой всегда улучшали настроение. Выходя из вагона, я ощутил такой любимый подземный ветер метро, состоящий из теплого

воздуха и неповторимого сочетания запахов смазочных материалов, пропитки для шпал и иногда еды.

Поднявшись по казавшемуся бесконечным эскалатору, я выбрался на свежий воздух, если таким можно назвать воздух в центре мегаполиса. Наверху сразу сориентировался по рельефу — идти нужно вниз, к набережной. Вдоль реки я прошел два полных квартала и без труда обнаружил арку, о которой рассказывал профессор. К этому времени небо, еще час назад радовавшее приятной синевой, заволкло тучами. Вблизи воды стало прохладно.

Миновав ворота, я оказался в довольно широком внутреннем дворе. Здесь находилось несколько заведений, но мне требовалась деревянная дверь без опознавательных знаков. Я сообщил через аудиопанель о цели визита — и через минуту был внутри здания, пройдя через портал с незамысловатым барельефом. Но оказавшись в небольшом вестибюле, оцепенел от его убранства. Казалось, что из суетного питерского дня я шагнул сразу в середину девятнадцатого века, куда-то в гостиную в центре Лондона. Примерно так я когда-то представлял апартаменты миссис Хадсон, читая и перечитывая Конан Дойля. Стены до середины были покрыты темными резными панелями; дальше до потолка поднималась благородная бордовая обивка. Крестовый свод комнаты украшала фреска, изображавшая, как мне показалось, некий библейский сюжет. Искусные витражи в окнах и дверях добавляли помещению сказочности. Одну сторону холла полностью заняло раскидистое растение, а с другой находилось что-то вроде лобби с кофейным столиком и парой антикварных кожаных кресел.

Я так впечатлился, что не сразу заметил женщину, стоявшую за приемной стойкой напротив входа.

— Здравствуйте. Ваш офис заморозил меня, — поприветствовал я сотрудницу и манерно раскашлялся.

— Не страшно, вы не первый зачарованный, проходите, — ответила она и тепло улыбнулась. — Лев Борисович готов принять.

С обеих сторон от стойки располагались двери, мы направились к левой. Сама стойка, к слову, не являлась рабочим местом, а лишь служила основой для пульта контроля доступа. Женщина шла впереди, размеренно покачивая бедрами, а я разглядывал отделку коридора — неширокого, но не уступавшего по благородству вестибюлю. Здесь были те же деревянные панели и бархат. Пространство освещалось медными светильниками с матовыми плафонами. В простенках между дверьми висели рукописные портреты неизвестных мне людей разных эпох и стилей. Мы проследовали до крайней левой двери, куда я и шагнул навстречу интригующим предложениям.

Профессор Лавров принимал в просторном кабинете, соответствовавшем по стилю увиденным мною раньше помещениям. Это был пожилой полноватый коренастый человек с короткой стрижкой и седой, идеально ухоженной бородой. Учреждение, в которое я попал, было не из бедных: в глаза то и дело бросались элементы технического оснащения явно высокого класса. На рабочем столе профессора стоял моноблочный персональный компьютер такого футуристического вида, что я не смог распознать даже производителя устройства. И вообще я вел себя крайне нетипично: никогда так жадно не глазел по сторонам, попав в незнакомое место. А здесь взгляд цеплялся за каждую мелочь. Любая вещь несла некий смысл и была совершенна по форме и назначению. Оборудование и отделка офиса не шли ни в какое сравнение с ультрамодными и шикарными интерьерами больших боссов, в которых мне доводилось бывать.

— Добрый день, — поздоровался я с некоторой задержкой.

— Добрый-добрый, — радушно ответил Лавров и указал на ближайшее кресло. — Присаживайтесь, не стесняйтесь.

И вдруг, как только профессор заговорил, я вспомнил, откуда его знаю. Лев Борисович Лавров находился в комиссии, когда я защищал свой дипломный проект в университете. В общем и целом он никак себя не проявлял, только прочитал краткую наставительную речь для выпускников. Так я запомнил его необычный голос.

— Кажется, вы меня вспомнили?

— Да, вспомнил, — кивнул я.

— Вот и отлично, тогда перейдем к делу. Скажите, Сергей, какие у вас сложились планы на ближайшее будущее?

— Планов много, но большинство из них личного характера.

— Значит, сворачивать горы вы пока не намерены?

— Было бы что сворачивать. Все уже свернуто до меня.

— Удачно сказано, — улыбнулся Лавров. — Но это можно рассматривать двояко. С одной стороны, многое в современном мире уже «свернуто», и тут вы правы. Но сворачивание гор в смысле открытия новых перспектив сейчас актуально, как никогда за последние несколько веков. Хотели бы вы принять участие в действительно значительном деле?

— Заинтригован, но ничего не понимаю, — попытался я отшутиться.

— Хорошо, я расскажу о нашей организации, — сказал профессор. — По сути, мы представляем собой фонд, призванный накапливать и сохранять культурное наследие человечества. Нам нужны специалисты с аналитическим и гибким умом, чтобы отслеживать и собирать лучшие образцы деятельности людей.

— Боюсь, я слабо разбираюсь в искусстве. Я из тех, кто до сих пор видит шесть пальцев у папы на «Сикстинской Мадонне», — продолжал я острить.

— Под культурным наследием я подразумеваю не только предметы искусства, и даже в меньшей степени их, — ответил Лавров как ни в чем не бывало. — Мы храним достижения, открытия, знания, историю, выраженные в фактах и конкретных предметах и продуктах.

Углубляясь в подробности, Лавров заметно посерьезнел, смотрел на меня неожиданно острым и испытующим взглядом. Появилось странное чувство дискомфорта, как будто туманная пелена стала наползать на сознание, и я невольно перебил собеседника, стараясь сбросить наваждение.

— Лев Борисович, так в чем конкретно заключаются обязанности по вакантной должности? — спросил я довольно резко.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся вновь профессор, став прежним, — вы распознали мой НЛП-маневр. Я прошу прощения, но это часть собеседования. С какими техниками воздействия вы знакомы?

— Я не владею никакими техниками, но умею распознавать, как вы говорите, «воздействие», — удивился я такому повороту событий. — Не обучался специально, просто общался со специалистами и получил небольшой опыт. Не ожидал ничего такого, вот и отреагировал остро, больше подсознательно.

— Хорошо, будьте спокойны, больше я не буду без крайней необходимости применять к вам технику. Это была лишь проверка, идем дальше, если вы не против.

Беседа вернулась в прежнее непринужденное русло, но оговорку про крайнюю необходимость я запомнил. Со слов собеседника выходило, что работать меня приглашают в крупную международную некоммерческую организацию, миссией которой являются поиск, сбор и хранение всего того хорошего и полезного, что создал человек за свою многотысячелетнюю историю. Моя же функция во всем этом — выезд к потенциально ценному объекту, сбор дан-

ных о нем и передача информации и своих личных выводов руководству. Гипотетически командировки могут быть в любую точку мира, но, скорее всего, не дальше евразийского континента, поскольку филиалы фонда расположены в разных странах и каждый мониторит свою территорию. Прежде чем приступить к работе, необходимо будет пройти обучение длительностью два-три месяца.

— И если у вас вдруг возник вопрос о занятости и оплате труда, — резюмировал Лавров, — то скажу, что оплата будет высокой. То есть такой, что голова будет занята только делом либо отдыхом, но не планированием бюджета. А график предполагается, конечно, ненормированный, в основном из-за поездок. Но по завершении каждого задания вы сможете отдыхать достаточное количество времени. Да, и постоянного нахождения в офисе тоже не требуется.

Закончив, профессор откинулся в кресле, взял со стола устройство, похожее на коммуникатор, и, бегло изучив содержимое экрана, опять испытующе посмотрел на меня. Похоже, он ждал от меня решения прямо сейчас.

— Это очень интересное предложение, — только и сумел я выдать, — но все равно я не понимаю многих деталей работы и не могу дать вам ответ сразу.

— Сергей, — Лавров опять придвинулся к столу и продолжил мягким тоном, — вам может показаться, что я оказываю давление, и отчасти это так. Но тому есть причины. У нас крайне мало времени на реализацию задач, под которые мы набираем людей. И если вы после долгих раздумий не согласитесь, то мне придется вычеркнуть это время, которое я мог бы потратить на работу с другим кандидатом. Поверьте, я предлагаю вам уникальнейший шанс не только заняться делом, пользу и престиж которого переоценить нельзя, но и освоить принципиально новые знания и навыки. То, что данная возможность предоставляется вам так

просто, на блюдце, а не зарабатывается потом и кровью, обусловлено в основном спешкой. Но я надеюсь, что вы достойно распорядитесь этой находкой и не спустите ее бессмысленно, как случайный выигрыш. Ваше решение, пусть оно и непростое, нужно мне сейчас. Скажу только, что вы не пожалеете, если согласитесь.

— Можно банальный вопрос? Почему именно я?

— Что ж, отвечу, — улыбнулся профессор. — Вы видели меня, может, пару раз, и я удивлен, что запомнили. Но вот я слежу за вами в числе других претендентов еще со времен университета, и в этом нет ничего предосудительного. Ведь крупные компании забирают перспективных специалистов прямо со студенческой скамьи. Только при нашей специфике нужны особые качества.

— Что за качества, если не секрет?

— Как я упомянул, мы выбираем людей широкого и гибкого ума, способных осознать и принять мир таким, каков он есть на самом деле. Такими качествами, как мне кажется, вы и обладаете. Мои объяснения могут показаться довольно абстрактными, но более предметно я пока не могу с вами говорить. Итак, вы с нами, Сергей?

С этими словами Лавров вновь откинулся на спинку кресла и как будто отгородился от меня сомкнутыми в замок на груди пальцами, давая хоть какое-то время на принятие решения. И я только сейчас всерьез почувствовал, что решение это действительно краеугольное. Либо я с чувством потерянной возможности вернусь к прежней жизни, либо возьму на себя ответственность и буду обязан реализовывать эту возможность до конца, во что бы то ни стало. И точка невозврата — это мое следующее слово, которого, дав однажды, я уже не смогу нарушить. Ладони вспотели, внутри все сжалось, и я произнес как можно отчетливее:

— Я согласен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i> . Взгляд на залив	8
<i>Глава 2</i> . Официально безработный	14
<i>Глава 3</i> . Предложение неопределенного характера	22
<i>Глава 4</i> . Не очень томительное ожидание	33
<i>Глава 5</i> . «Они уже здесь»	39
<i>Глава 6</i> . Мальвина	46
<i>Глава 7</i> . Знакомство с коллективом	59
<i>Глава 8</i> . Точка входа	70
<i>Глава 9</i> . «Спаси», «бо»	78
<i>Глава 10</i> . Мой «ангел» Дария	84
<i>Глава 11</i> . «Кто на новенького?»	89
<i>Глава 12</i> . Стажировка с риском для жизни	98
<i>Глава 13</i> . Комбат-братушка	107
<i>Глава 14</i> . Новый опыт	113
<i>Глава 15</i> . В бегах	129
<i>Глава 16</i> . Разговор на кухне	140
<i>Глава 17</i> . Навстречу потоку и по течению	154
<i>Глава 18</i> . Нижний уровень	171
<i>Глава 19</i> . Обратный отсчет	186
<i>Глава 20</i> . Вдоль по Африке	203
<i>Глава 21</i> . Деревня мертвецов	217
<i>Глава 22</i> . Сутки в аду	224
<i>Глава 23</i> . Сжатие на излом	233
<i>Глава 24</i> . Контролируемая агрессия	245
<i>Глава 25</i> . Прехистор	262